

UDC 94

First Foreign-Policy Success of Kievan Commanding Elite in Europe: Byzantine Military Campaign of 860 and Askold's Christianization

Igor A. Melnichuk

Zhytomyr National University of Agriculture and Ecology, Ukraine
8, Old Lane, 10002, Zhitomir
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Abstract. The article, using annalistic sources and Byzantine literary monuments of VIII–IX centuries, attempts to conduct historical and political analysis and estimate major successes of Rus under Askol'd's reign: Rusichi march on Constantinople in 860 and as a result Christianization of prince and his druzhina.

The article presents obvious success of Askold and military and political elite of Rus:

- Breakthrough of Russia to the European political space and, consequently, access to economic space: extremely important markets of Byzantium and other states.
- Launch of the irreversible process of Christianization of the state, which has become one of the key stages of its development and the important step towards equal access of Russia to the European family of nations.
- Selection of Eastern (Orthodox) version of Christian doctrine.

Keywords: prince Askol'd; military and political elite; pagan lobby; Christianization; Byzantium; military campaign.

Введение. Начало нашей истории, первые шаги на пути к государственности и принятию веры Христовой – одна из самых волнующих и всегда актуальных тем в жизни и сердце каждого украинца, россиянина, белоруса. Не оставлена она без внимания и научной средой. Признанными исследованиями по указанной проблематике являются труды украинских историков М. Грушевского, М. Брайчевского, П. Толочко, А. Толочко, Н. Котляра, Л. Войтовича. Широко известны монографии российских академических и религиозных ученых Н. Никольского, Л. Гумилева, В. Иванова, А. Юдина, С. Смирнова, Б. Рыбакова, Б. Грекова, А. Дворкина, Д. Лихачева, зарубежных авторов: О. Прицака, Г. Ловмянського, Д. Оболенского и др.

Однако в научной литературе ощущается нехватка работ, использующих историко-политический анализ процессов генезиса государственности и принятия христианства славянским миром как их мощногостимулирующего фактора, сопоставления мотивов и политических программ, побудивших лидеров властных элит славянских государств Юга и Востока Европы к сближению с Византией путем принятия новой веры. Поэтому целью данной статьи мы ставим попытку обратить внимание на проблему исторической роли и значения Аскольдова крещения как одного из результатов успешного византийского похода 860 г., дав этим событиям обобщающую историко-политическую оценку.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе византийских, арабских, древнерусских источников с использованием методов обобщения, сравнительного анализа, реконструкции, историко-политического анализа.

Обсуждение. Могучий славянский мир, охвативший после полутора сотен лет военных состязаний с другими этносами и государствами времен Расселения половину Европы, проходя через специфический этап военной демократии, искал свой путь социальной организации в условиях формирования и упрочения собственной государственности. Для Руси таких шагов на этом пути, по нашему мнению, было три:

- Приобретение военными лидерами, а впоследствии и их окружением, наследственной власти над территорией и населением зависимых земель. Этот процесс был постепенным, княжеские династии зарождались и исчезали во внутривластной борьбе (до VIII–IX вв.). Он привёл к эволюции «словиний» до уровня полноценных государств, в

том числе и через развитие городов, укрепление и усложнение структуры военно-политических элит вследствие расширения их функций и задач (VII–X вв.);

- Официальное и окончательное принятие христианства на государственном уровне (X в.).

- Целенаправленное преобразование княжеской и церковной элитами столицы Руси – Киева в политический, экономический, религиозный и идеологический центр всего восточного славянства (X–XI вв.).

Эти шаги были подсказаны как внутренней логикой развития общества, так и опытом, заимствованным из практики государственного строительства позднего Рима, Византии, империи франков. Если первый шаг пройден был, главным образом, эмпирически, то следующие считают стратегической заслугой Рюриковичей, которым удалось за короткий исторический срок утвердить своё политическое превосходство, открыв путь к эффективному и продолжительному доминированию их династии на русских землях.

При этом историческая фигура политика, военного и административного лидера, первого христианина из числа киевских князей, который успешно и эффективно действовал в переломный момент создания русского государства, остается наименее изученной, а потому и несколько недооцененной отечественной и зарубежной историографией. Мы говорим об Аскольде – не славянине и не Рюриковиче, который, возможно, именно благодаря такой своей промежуточной в пространстве и времени позиции, разделившей две эпохи – племенных княжений и имперскую киеворусскую, остается в тени своих более известных преемников.

Деяния и достижения государства Аскольда и самого князя окутаны догадками и предположениями. Этот властитель действовал как бы на периферии внимания европейских хронистов, в условиях, когда русские летописная традиция и церковные хроники отсутствовали, и даже для Нестора период его княжения казался уже седой древностью. Если оставить за скобками несколько общих упоминаний арабских писателей, по сути, единственными надежными источниками, доступными для историко-политического анализа, остаются те, которые удостоверяют военные и политические контакты Аскольдовой Руси с Византией – гомилии и энциклика к восточным церквям патриарха Фотия, упоминания о походе русов на Византию и их крещении в 860-х гг. Продолжателя Феофана и договор Руси с греками, полностью приведенный в «Повести временных лет». С нашей точки зрения, надежными источниками являются также свидетельства арабских авторов относительно похода Аскольда на Кавказ.

Отметим, что проникновение христианской идеи в восточнославянскую среду происходило длительным эволюционным путем. Постепенное знакомство с христианской цивилизацией проходило через военные столкновения, торговые, дипломатические, культурные контакты.

Ещё государство готов, несколькими анклавами протянувшееся от среднего течения Днепра до Причерноморья и более двух столетий существовавшее среди славянских племен, было христианским; анты проводили регулярные захватнические походы в пределы византийских провинций; дружины антов, возглавляемая первым славянскими князьями, не только далеко и надолго покидали пределы своих земель, проводя успешные рейды на 200–300 км в глубь византийских территорий, но и время от времени нанимались в имперскую армию на договорной основе, о чем свидетельствуют тогдашние греческие авторы Прокопий Кесарийский, Менаандр, Иоганн Эфесский и др. [1, С. 364-366; 2, С. 247; 3, С. 241, 243]; до 30 процентов полиэтничного населения Черняховской культуры (антской в своей Днепро-Дунайской части), которое поддерживало тесные контакты с греческими городами Причерноморья, судя по характеру захоронений, были христианами [4, С. 4; 5, С. 309-310]; часть варягов, которые с VIII в. появляются на Руси в поисках сухопутного пути к экономическому сердцу Европы – богатым средиземноморским портам, были крещены.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что элиты, и народ Русии познакомились с христианством давно, но в массовом порядке перейти к нему были не готовы, ведь такой переход к совершенно новой религиозно-мировоззренческой парадигме тянул за собой не только кардинальные внешние обрядовые изменения, но касался глубоких внутренних, интимных для каждого сфер мироощущения и мировосприятия. Кроме прочего, христианская парадигма власти, нацеленная на концентрацию рычагов влияния в едином

центре, существенно ограничивала политические возможности региональных элит, зарождения альтернативных центров силы и безвозвратно лишала перспектив старую жреческую касту. Христианская модель державы создавала идейно-правовые условия для выделения, укрепления и дальнейшей консервации правящей династии.

Именно поэтому инициативу в принятии новой веры взяли на себя наиболее прозорливые в политическом отношении и харизматичные князья, качественно отличавшиеся от предшественников широтой взглядов, стратегическим мышлением, авторитетом в массах благодаря успешным внешним и внутривластным действиям, поддержкой своих решений частью элит – прежде всего дружинным сословием. Такими лидерами, видевшими преимущества новой веры и уловившими исторический момент для религиозной реформы, были Аскольд и, позднее, Владимир на Руси; у южных славян таким был Борис Болгарский. Другое дело, что Борису и Владимиру Великому, несмотря на трудности, удалось железной рукой внедрить новую веру; Аскольд же, учитывая неблагоприятную внутреннюю конъюнктуру, использовать силовые методы не решился, выбрав эволюционный путь.

Аскольд столкнулся с серьезным сопротивлением части политических элит на попытку директивным путем навязать им новую веру. Эти группировки в исторической литературе получили название «языческой партии». Сильное языческое лобби, образовавшееся значительно раньше самого факта принятия христианства, активно проявило себя практически сразу после этого события. Причины понятны: христианский принцип «Один Бог – один царь» не всем был по душе, особенно вассальным князьям и боярам, то есть региональным элитам.

Аскольду принятие христианства в конечном итоге стоило жизни – киевская оппозиция ему такого шага не простила. Не смотря на очевидные личные успехи, как внешняя, так и внутривластная ситуация в Киевском государстве складывалась для Аскольда достаточно напряженно. Стабилизировав непростые отношения с уграми, хазарами, норманнскими князьями-конунгами, пришедшими к власти у кривичей и словен, киевский князь, повторяя опыт антских агрессий, совершил настоящий внешнеполитический прорыв, организовав, согласно Никоновской летописи, три масштабных похода на Византию в 860, 863 и 867 гг. [6, С. 8-9, 13; 7, С. 160-164]. Приняв во время похода 860 г. вместе со своей дружиной христианство (что убедительно доказывает в своей монографии М. Брайчевский [8, С. 42-89]), он тем самым дал повод поднять голову внутренней княжеско-боярской и жреческой оппозиции – даже несмотря на выгодный договор с Константинополем. Славянские элиты терпели норманнского князя (и, пожалуй, сами призывали его на княжение), учитывая организационную и военную мощь лично преданной ему дружины и успешное освобождение Киева Диром и его преемником Аскольдом от хазарской экономической зависимости – благодаря этим достижениям и приняли титул «каган», который подчеркивал, как минимум, равенство с каганом Хазарии.

Князь Аскольд накапливал все больший авторитет в массах и в дружинной среде, практически каждый его внешнеполитический шаг был удачным – а потому ревнивое око оппозиции искало повода для переворота. Таким поводом стало совпадение двух обстоятельств: Аскольдово крещение и появление на горизонте нового норманнского претендента на Киевский стол – Олега, который еще до своего прибытия под стеньюжной столицы имел в ней своих агентов влияния. Мы скептически относимся к твердости языческих убеждений киевского оппозиционного лобби – в IX в. вера предков, по крайней мере в верхах общества, была уже существенно ослаблена, языческий фанатизм, инспирированный политической элитой, вспыхивал в IX-X вв. исключительно как реакция на усиление провизантийских сил и настроений, а также растущую популярность христианства в массах, либо как средство утверждения собственной власти (вспомним языческую реакцию при Олеге, Святославе и Владимире). По этим же причинам погиб и Аскольд, и предъявление Олегом киевлянам малолетнего легитимного наследника Рюрикова рода после его коварного, но, несомненно, спланированного и согласованного с языческим лобби убийства, лишь успокоило народ и дружину, спасло Олегу жизнь, но не отменило факта предательства дела князя частью его собственных элит.

Языческий пантеон славянских богов существенно схож со скандинавским – это, кстати, еще одна причина органической инкорпорации норманнов в славянскую среду, но

все же политические элиты, не исключая и жрецов, использовали веру скорее как мощный инструмент в политической борьбе, что наглядно подтвердил эпизод киевского заговора и смерти Аскольда.

Шестое десятилетие IX в. оказалось решающим не только для личной карьеры князя, но и для всей дальнейшей истории Руси. Нестор не случайно начинает её именно с эпохального события в судьбе русичей – Аскольдова похода 860 г.: «Когда начал царствовать Михаил (император Византии с 842 г. – авт.), стала так называться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь (войной) на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем (рассказ) и число (счет годам) положим» [9, С. 12].

Момент для военного удара и политического прорыва в Европу Аскольд выбрал с ювелирной точностью, что наводит на мысль о существовании у Киевского князя и старшей жены надежных информаторов во властных центрах соседних государств. Весной 860 г. Михаил во главе 40-тысячной армии отправился на войну с арабами. Столица была отдана под опеку и защиту малочисленного гарнизона во главе с заслуженным, почтенного возраста, адмиралом Орифой [10]. 18 июня, совершив молниеносный поход морем, флот русичей высадил десант под стены Царьграда. Практически синхронно подошла и пешая дружина, которая двигалась по суше. Это свидетельствует об удачном стратегическом планировании операции, заранее осуществленной князем и дружиной, и координации войск в походе, ведь пешая рать должна была отправиться раньше флота. Началась осада города неизвестным до тех пор Византии (точнее, забытым) страшным «варварским» врагом – русами, которую патриарх Фотий, находясь среди осажденных, в присущей ему эмоциональной манере ярко описал в своих проповедях-гомилиях [11, С. 414-419]. Император Михаил, по византийским источникам, оставил армию и с большим трудом на маленькой лодке пробрался в осажденный город, где всю ночь молился вместе с Патриархом в церкви св. Богородицы во Влахерне за спасение столицы. Далее «Повесть ...» даёт красочную легенду о вынесенной из церкви святыне и ее чудесной помощи «ромеям»: «И взяли они с песнями славную ризу святой Богородицы, и вымарали в море ее полу. Была в то время тишина, и море было спокойно, и тут вдруг поднялась буря с ветром, и большие волны разбрасывали корабли язычников-русов, и прибило их к берегу и переломило так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой» [9, С. 215]. Здесь автор «Повести ...» под влиянием некоторых доступных ему греческих источников смещает во времени события неудачного похода Аскольда 866 г., который действительно закончился «плачем великим» по Руси, ведь шторм тогда потопил почти все русские корабли. Во время же похода 860 г., по свидетельству очевидцев и самого Фотия, погода была замечательной [11, С. 430-433], осажденные теряли силы и надежду, и ничто не мешало Аскольду взять город штурмом, чего не без основания страшился Фотий. Во второй гомилии он подтверждает факт всенощной молитвы во спасение от нашествия и, скорее, образно благодарит Богородицу, которая своей ризой будто окутала и защитила страдающий город – отсюда, вероятно, и берет корни легенда, приведенная Нестором по хронике Григория Амартола и ряда других греческих летописцев.

Вернувшись в столицу, император мог надеяться только на одно – Михаил планировал переговоры и заключение договора с новым врагом, и, как император рассчитывал, будущим сильным союзником, что было обычной практикой византийской дипломатии. Мы согласны с Н.Ф. Котляром, что такие переговоры состоялись (Аскольд внезапно отвёл войска от города, вернувшись домой с победой и контрибуцией), и они должны были быть тайными. В этом, учитывая положение на арабском фронте, были заинтересованы, прежде всего, властные элиты Константинополя. Содержание договора можно довольно точно реконструировать по его итогам, которые вытекают из последующих событий.

Во-первых, Аскольд своим триумфальным походом провозгласил шокированной Европе, что на ее границах выросла мощная и грозная сила – Русь, с которой нужно считаться и чьи интересы достигают самого сердца этой части мира. Аскольд не забывал напоминать об этом подверженной самолюбанию и чувству собственного превосходства Византии, осуществляя регулярные походы в ее пределы (М. Брайчевский насчитывает не три, а даже четыре похода Аскольда 860, 863, 866 (неудачный) и 874 гг. [8, С. 45]). Последний поход оказался успешным, и, как пишет автор: «На этот раз договор был

оформлен с соблюдением всех необходимых формальностей. Сам факт подписания соглашения четко зафиксирован в источниках – как византийских (Константин Багрянородный и др....так и древнерусских (в частности, в Никоновской летописи)»[8, С. 45-46].

Во-вторых, по-видимому, выполняя условия договора 1860 г. о военной помощи Византии, Аскольд совершил Кавказский поход в земли «агарян», нанеся удар арабам в Южном Прикаспии [12, с. 99].

В-третьих, одним из условий негласного договора, причем по обоюдному желанию византийских и киевских элит, стало крещение Руси. Эта процедура была только запущена Аскольдом – крестилась военно-политическая верхушка: сам князь, его окружение и дружина, учреждена была небольшая епархия, – и завершать её, действуя практически наново, пришлось Владимиру 120 лет спустя.

Русь IX в. приняла крещение по инициативе «сверху», на не до конца подготовленном политическом поле. Шесть прибывших на Русь из Византии епископов во главе с Михаилом Сириным вынуждены были организовывать епархию в условиях враждебного окружения. О принятии Русью епископа из Царьграда после Аскольдова крещения свидетельствуют не только энциклика Фотия [13, Р. 178] и позднейшее описание этого акта Константином Багрянородным [14, Р. 211], но и Никоновская, Густынская [14] и Иоакимовская летописи, на которые ссылался В. Татищев [15, С. 117, 208]. Поэтому известная летописная легенда «выбора веры» Владимиром если и имеет под собой фактологическую основу, то скорее описывает оценку князем внешнеполитической ситуации для Руси на перспективу: главное решение и европейский вектор государственной политики были обозначены Аскольдом.

Византийским первосвященникам было не привыкать работать на новых для себя территориях в неблагоприятном языческом окружении, поэтому архиепископия на Руси продемонстрировала исключительную живучесть, уцелев даже после смерти Аскольда и языческой реакции 882-988 гг., особенно во время второго антихристианского террора 969–972 гг. при Святославе, когда были разрушены построенные Ольгой церковь св. Софии и Николаевская церковь на могиле Аскольда [16]: существование христианской общины в этот период подтверждают договор Руси с Византией 944 г. и летописные свидетельства.

Факт крещения Руси и Болгарии в 960-х гг., был результатом политической комбинации, которую не независимо друг от друга удачно разыграли в свою пользу Аскольд и болгарский царь Борис. Естественно, что и Константинополь, со своей стороны, считал оба масштабных события – обращения в «истинную веру» доминирующих в славянском мире соседних народов своей едва ли не самой главной исторической и политической победой, что подтверждается высокомерной тональностью обращения Фотия к восточным церквям и последующей канонизацией всех причастных к этому славянских князей – Бориса, Аскольда (согласно В. Татищеву и Н. Брайчевскому Церковь предоставила ему статус св. Великомученика), Ольги, Владимира. Но обращение «диких язычников» с византийской точки зрения означало их вассалитет, признание императора и Вселенского патриарха единственными настоящими отцами и хозяевами православного мира.

Это не могло удовлетворить ни Аскольда, ни Бориса Болгарского и никак не вписывалось в их планы на будущую самостоятельность и независимость Церквей в своих молодых государствах. Единоверие и, в идеале, автокефальная, Церковь нужна была обоим прагматично мыслящим политикам прежде всего для укрепления княжеской власти и централизации рычагов политического и экономического управления. Они видели все преимущества новой веры, понимали, что момент для ее принятия наступил, но стремились обратить этот процесс в свою пользу: политические выгоды и высокие стремления Византии по донесению слова Божьего до окраин Ойкумены для них были понятны, но бесконечно далеки.

В этих условиях Борис и Аскольд действовали схожим образом, прибегнув к прямому военному давлению на Византию. Такая аргументация, безусловно, являлась военно-политическим шантажом, издавна применяемым в международной практике. Позже аналогичный маневр блестяще повторил Владимир, захватив для политического торга с Константинополем его любимую жемчужину на Черном море – Корсунь.

Подытоживая достижения киевских властных элит с Аскольдом во главе, можем констатировать, что ими:

- Был осуществлён прорыв Руси на европейское политическое пространство и, как следствие, выход на пространство экономическое: чрезвычайно важные рынки Византии и других держав. Внешнеполитические успехи военного похода 860 г. и последующих лет были официально закреплены русско-византийским договором 874 г.;

- Запущен уже необратимый процесс крещения государства, который стал одним из определяющих этапов его становления и важным шагом к равноправному вхождению Руси в семью европейских народов;

- Был выбран восточный (православный) вариант христианского учения. Произошло это, во многом, ситуативно: державшая знамя православия Византия была избрана объектом агрессии как ближайший и наиболее могущественный сосед, определявший в то время политику на жизненно важном для Руси европейском направлении.

Выводы. Политические элиты Руси достаточно успешно реализовали грандиозное по масштабу и историческому результату предприятие – прорыв в Европу и принятие новой веры из Византии, не только без потерь для своей страны, связанных с неизбежным, с точки зрения Константинополя, вассалитетом, а выйдя из этого процесса с высоко поднятой головой, заставив уважать себя не только Восточно-Римскую империю, но и другие европейские государства. Более того, пытаясь удержать Аскольда в качестве союзника и избавиться от его демонстративных военных агрессий, Византия вынуждена была платить Руси ежегодную дань.

Примечания:

1. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 364-366.
2. Менаандр. История // Вестник древней истории. Т. I, 1941. С. 247.
3. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). Изд. 2-е, испр. М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 472 с.
4. Сымонович Э.А. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период / Э.А. Сымонович // Советская археология. 1978. №2. С. 4.
5. Сымонович Э.А. Памятники Черняховской культуры степного Поднепровья. / Э.А. Сымонович // Советская археология. 1955. Т. 24. С. 309-310.
6. Никоновская летопись. // ПСРЛ. Т.12. С. 8-9, 13.
7. Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев. / М. Ю. Брайчевский. К., 1964. С. 160-164.
8. Брайчевский М. Утверждения христианства на Руси. К., Наукова думка, 1988. 295 с.
9. Повесть временных лет. / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Ч. 1. С. 12, 215.
10. Котляр М. Ф. Київські князі Кий і Аскольд. / М. Ф.Котляр // Воєнна історія, №1. 2002.
11. Ловягин Е. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россос на Константинополь. // Журнал «Христианское чтение, издаваемое при Санктпетербургской Духовной Академии». 1882. Часть II. С. 414-419, 430-443.
12. Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа и Азии // Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 99.
13. Phot. Ep. P. 178.
14. Const. Porph. VM. P. 211.
15. Густынская летопись // ПСРЛ. 1845. Т. 2.
16. Татищев В.Н. История российская / В.Н.Татищев. М.-Л., 1962. Т. I.

УДК 94

**Первый внешнеполитический успех киевских властных элит в Европе:
византийский поход 860 г. и Аскольдово крещение**

Игорь Анатольевич Мельничук

Житомирский национальный агроэкологический университет, Украина
10002, г. Житомир, Старый Бульвар, 8.
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Аннотация. В статье на основе летописных источников и византийских литературных памятников VIII–IX вв. сделана попытка историко-политического анализа и оценки важнейших успехов Руси периода княжения Аскольда: похода русичей на Константинополь 860 г. и крещения по его итогам князя и его дружины.

Показаны очевидные успехи Аскольда и древнерусской военно-политической элиты, которыми:

- Был осуществлён прорыв Руси на европейское политическое пространство и, как следствие, выход на пространство экономическое: чрезвычайно важные рынки Византии и других держав.

- Запущен уже необратимый процесс крещения государства, который стал одним из определяющих этапов его становления и важным шагом к равноправному вхождению Руси в семью европейских народов.

- Был выбран восточный (православный) вариант христианского учения.

Ключевые слова: князь Аскольд; военно-политические элиты; языческое лобби; крещение; Византия; военный поход.